

Я. Н. Еремеев (Воронеж, Россия)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ВЛИЯНИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
НА РАЗВИТИЕ БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматриваются некоторые социально-политические и культурно-исторические аспекты взаимодействия языка и общества. При помощи введённых М. М. Бахтиным терминов «одноязычье», «многоязычье», «разноречье», а также таких понятий, как «центростремительные и центробежные силы в социуме», рассматриваются особенности этого взаимодействия в конкретном историческом периоде. Анализируются социолингвистические причины и последствия распространения в обществе «стандартной нормы английского языка» в течение викторианского и эдвардианского периодов британской истории.

Ключевые слова: одноязычье, многоязычье, разноречье, центростремительные и центробежные силы в социуме, стандартная норма английского языка

YAROSLAV N. EREMEEV (VORONEZH, RUSSIAN FEDERATION). ON SOME PECULIARITIES OF THE LANGUAGE AND LINGUISTIC POLICY IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF THE BRITISH SOCIETY IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY. The article considers some social, political, cultural and historical aspects of interaction of language and society. Using Mikhail Bakhtin's terms *monoglossia*, *polyglossia* and *heteroglossia* as well as the notion of *social centripetal and centrifugal forces* the author analyses some peculiarities of this interaction in a given historical period. The article focuses on the causes and effects of introduction and expansion of *Standard English* in Victorian and Edwardian Britain.

Keywords: monoglossia, polyglossia, heteroglossia, social centripetal and centrifugal forces, Standard English

Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что язык играл и продолжает играть ключевое значение в истории народов и культур. «В жизни отдельных людей и общества язык является фактором более важным, чем какой-либо иной фактор», – писал Ф. де Соссюр (Saussure 1983: 21). Именно этот, как принято считать, противник исторического и диахронического подхода к изучению языка утверждал: «То, как живет нация, отражается в её языке. В

то же время именно язык в значительной степени формирует нацию. Основные исторические события имеют огромное лингвистическое значение... Внутренняя политика страны не менее важна для жизни языка... Язык связан с социальными институтами – церковью, школой и т. д. Эти институты, в свою очередь, тесно связаны с развитием языка» (Там же). Безусловно, Соссюр выступает не против диахронического или исторического подходов в лингвистике, а лишь против их смешения с синхронией. Но именно после его методологического разделения лингвистики на внешнюю и внутреннюю, большинство исследователей XX в. сосредоточили свое внимание исключительно на лингвистике внутренней. В то же время было забыто, что язык, как это отмечали еще Кант, Гумбольдт, Фихте, является ключевым моментом в процессе развития нации. Язык выступает также в качестве индикатора классовых и прочих групповых разделений в обществе, а также и как способ их преодоления. Таким образом, объектом анализа в лингвистике может быть не только абстрактная лингвистическая структура или особенности её использования индивидуумом, но и особенности институциональных, политических и идеологических отношений между языком и историей. Объектом могут быть способы использования языка для разделения или объединения социальных групп, убеждения одних в их превосходстве, а других в подчинённости или исключенности их социальной группы в процессе формирования социальной идентичности.

Одним из первых и наиболее значимых исследователей в социально-историческом подходе к языку по праву считается М. М. Бахтин. Разработанные им понятия монологичности и диалогичности в языке, центробежных и центростремительных сил и их борьбы в процессе развития языка (Бахтин 1965; 1986), позволили ему и его последователям приблизиться к пониманию реальных процессов в исторических взаимоотношениях общества и языка.

По Бахтину, монологические и диалогические силы – это исторические силы, находящиеся в постоянном конфликте, они рождают монологические и диалогические формы дискурса. Доминантная в конкретный момент сила находится в диалоге и борьбе с подчинённой с тем, чтобы сохранить господствующее положение. Диалогическая борьба, таким образом, является основанием всех форм дискурса, а история – внутренней силой, кото-

рая производит те или иные состояния языка. Конфликт социальных сил производит конкретные языковые формы:

- **Моногlossия** (однойзычье) отражает монологическое мировоззрение говорящих (у древних греков деление мира на эллинов, говоривших по-гречески и варваров, не говоривших по-гречески).

- **Полигlossия** (многоязычье) (римская цивилизация и латинский язык, инкорпорировавшие в себя греческую культуру).

- **Гетерогlossия** (разноречье) – проявление внутренних и внешних лингвистических различий, стратификация языка на социальные диалекты, профессиональные жаргоны, языки, которые служат специфическим социо-политическим целям дня и даже часа (Там же).

Если Соссюр предпочитал всему единство и системность, то Бахтин напротив – различие и плюрализм. У него всегда – диалогизм предпочтительнее монологизма, а гетерогlossия – полигlossии и моногlossии. «Только разноречье полностью освобождает сознание от тирании собственного языка и своего собственного мифа о языке» (Bakhtin 1981: 121).

Появление моногlossии, полигlossии или гетерогlossии зависит от исторических условий баланса сил в конкретный исторический момент.

Моногlossия – форма языка, являющаяся продуктом диалогической борьбы между оппозиционными тенденциями. Хотя она достигает некоторой стабильности, её статус никогда не бывает таким абсолютным, как она себе это представляет, она относительна. В языке всегда есть элементы прошлого состояния и потенциал для последующего состояния. Языки, освободившиеся из плена латыни (английский, французский, немецкий), сами стали использовать другие формы рабства для языков покорённых народов и культур.

«В любой данный момент исторического существования, язык – разноречен с головы до ног: он представляет сосуществование социально-идеологических противоречий между настоящим и прошлым, между различными социально-идеологическими группами в настоящем, между тенденциями, школами, кругами и т. д.» (Там же: 127).

Монологическая форма (*приказ*) доминантна, если она подавляет возможности противостоять ей, но будучи неабсолютной,

она всегда опасается возможности диалогического ответа. Конфликт, в котором доминантная форма побеждает, не является предрешённым, он по природе – диалогичен и поэтому всегда может быть возобновлён. То же самое происходит и с гетероглоссией.

Конфликт противоположных тенденций в языке – вечная диалогическая борьба между центростремительными силами, цель которых – централизация и унификация, и центробежными силами, цель которых – децентрализация и разрушение единства.

В этой борьбе отношения между силами будут различаться по форме и результату в конкретные исторические периоды. В одних исторических условиях центростремительные силы организуют определённую форму языка – централизованную, объединяющую, властную, и таким образом, моногlossия и монологизм будут достигнуты (например – произношение определённого класса становится доминантной и общепринятой формой, используемой в СМИ – BBC English в 1920-30 гг.).

В другое время могут победить центробежные силы, и попытки достичь единства будут тщетными (сопротивление доминантному произношению в поп-культуре и молодежных субкультурах – идентификация с маргинальными акцентами будет силой, препятствующей доминированию стандартной формы).

Единство форм, которым обладает язык и культурное единство, которому и служит язык, являются результатом действия мощных центростремительных сил, преодолевающих гетероглосные различия.

Стремление достичь единства принимает разные формы: победа одного доминантного языка (диалекта) над другими, подчинение языков, их порабощение, процесс их просвещения, инкорпорирование варваров и нижних социальных слоев в унитарный язык Культуры и Истины (Бахтин 1986).

Этот процесс сопровождается установлением и укреплением культурной значимости определенных языковых форм (например, *standard English*) – монологической формы языка – «чистой, необходимой для английской национальной жизни, превосходящей другие языковые формы, имеющей высокий культурный статус» (Elworthy 1876: 54). Данная модель языка была вознесена до статуса хранителя и средства передачи Истины, она была выбрана из

множества существовавших форм, низведя остальные формы до подчинённого состояния.

Имея в виду изложенные здесь теоретические положения, обратимся к анализу языковой ситуации в британском обществе второй половины XIX – начала XX в. – период, характеризующийся драматическим напряжением борьбы монологических центростремительных и гетероглотных центробежных сил, и увенчавшийся – на некоторое время – победой первых над вторыми.

Из наполеоновских войн страна вышла более зрелой, сильной, и национальная гордость требовала замены гетероглоссии стабильной, уверенной и исключительной моноглоссией, тесно связанной с правящим классом. Но Британия оставалась всё таким же разделённым, противоречивым и жестоким обществом, с классовыми различиями и предрассудками. Борьба центростремительных и центробежных сил продолжалась. Национальное и религиозное движение в Ирландии и чартизм в Англии ставили единство нации под вопрос. Ответ правящего класса был двояким:

– силовым – физическое или правовое насилие;

– культурным – развитие сравнительно-исторического языкознания, изучение англо-саксонского языка с целью показать непрерывность и единство традиции английского языка и культуры.

Таким образом, чартизм выступил как центробежная сила, ибо он фокусировал внимание на одном классе общества, история языка – как сила центростремительная, общенациональная.

Огромный импульс для изучения языка дала работа по подготовке к изданию *New Oxford English Dictionary*, ставшим первым словарем английского языка за почти сто лет, прошедших после издания словаря доктора Джонсона. В процессе работы над этим изданием впервые и возникло понятие *standard English* как оппозиция многочисленным диалектам (Burke 1974: 237-282).

По М. М. Бахтину, в любой момент времени унитарный язык противопоставлен реалиям разноречья (Бахтин 1965; 1986). *Standard English* – необходимое теоретическое изобретение, организованное силами центростремительности, создавшее форму моноглоссии в письменном языке.

«Результат уже налицо – есть единый письменный язык, понятный всем, тогда как речь обитателей разных частей страны может быть непонятной друг для друга» (Elworthy 1876: 67).

«Одноязычье, преодолевая разноречье, налагая на него ограничения, гарантирует определенный максимум взаимопонимания и кристаллизации в реальное, хотя и относительное единство» (Bakhtin 1981: 270).

Появление *standard English* стало решительным фактором в деле достижения массовой грамотности.

Следующим шагом логически должна была стать замена устных диалектов *standard English* и *standard pronunciation*. Что же такое стандартный английский и стандартное произношение? Приведем мнения нескольких лингвистов данного периода.

«*Standard English* – современный английский, на котором говорят, пишут и который понимают образованные люди» (Sweet; здесь и далее цит по: Crowley 1995: 164).

«*Standard English* – произношение большинства образованных жителей Южной Англии».

«... речь высших классов Лондонского общества сейчас рассматривается как стандарт английского произношения» (Graham: 163).

«*Received standard* это – *Public School English* – язык лучшего класса страны» (Wyld: 165).

«Лучший английский чаще всего можно услышать у офицеров Британской Регулярной Армии» (Sampson: 165).

Таким образом, *standard English* не был языком большинства населения, а лишь достаточно небольшой социальной группы. Создание моногоссии на уровне национального разговорного языка осуществлялось через возвышение одной формы языка за счет принижения остальных.

В то же самое время работа над OED возбудила интерес к изучению диалектов (в 1873 г. было создано ENGLISH DIALECTAL SOCIETY). Это стало популярным и вполне уважаемым занятием. Диалектологи возражали популярному мнению, что диалект – это искажение родного языка, намеренно неправильное произношение звуков, неуважение к синтаксису *standard English*. «Диалектная речь имеет огромное значение для правильного понимания исторического развития английского произношения» (Ellis 1889: 6).

В это время центристские силы – промышленный капитал с его привлечением рабочей силы из сельской Англии – создавали новую культуру, разрушая традиции и создавая новые.

Среди огромных социальных изменений, вызванных индустриализацией и урбанизацией, крестьянин, говоривший на диалекте, символизировал собой традицию, чистоту и был связующим звеном с деревенским прошлым. Интерес к изучению диалектов свидетельствует о наличии в обществе озабоченности возможным исчезновением традиционной культуры: диалекты исчезают вместе со старой Англией.

«Железная дорога, телеграф, машины и пар скоро уничтожат в стране последние следы бриттского, саксонского и датского языков... Железная дорога нивелирует все местные особенности речи... Историческая Англия бриттов, саксов и датчан уничтожена новой, современной Англией с её ужасающей образовательной системой» (Elworthy 1886: 44).

Пока диалектологи объезжали сельскую Англию, чтобы записать последние слова старого английского, простые люди стекались в города в поисках работы, а оказавшись там, они создавали свой собственный новый язык.

Городское пространство было местом деградации языка, особенно в среде рабочего класса. Лингвисты предпочитали сельские диалекты городским, грубым, со множеством неприличных слов и выражений. Они четко различали диалектизмы от вульгаризмов – последние составляли достояние не региональных, а классовых разновидностей языка, а именно языка низшего необразованного класса: «Вульгаризм – разновидность *standard English*, но дурная его разновидность (“*type*” for “*tape*”, “*’orse*” for “*horse*”)» (Wyld 1934: 614-615). Таким образом, диалектологи вводили своеобразную дискурсивную иерархию в имеющуюся в стране гетероглоссию. «Линия разрыва пролегает и в городе, и в деревне между людьми разных традиций, образований, классов» (Reynolds and Woolley 1911: 17). Очевиднее всего эти различия выступают в устной речи. «Когда полный контроль над произношением будет достигнут, провинциализмы и вульгаризмы наконец полностью исчезнут, и самые важные барьеры между различными классами общества будут устранены» (Sweet 1877: 196).

«Если обучение языку будет должным образом организовано, разница между речью образованных и необразованных людей, которая в настоящий момент рождает столько предрассудков и сложностей при общении с обеих сторон, постепенно исчезнет» (Newbolt 1921: 22-23).

Общественная сфера была жестко стратифицированной и разделённой, и это не могло не отражаться в языке. Разговорный *standard English* стал рассматриваться в качестве престижного диалекта, классового языка образованных и власть имущих. Он стал частью процесса самоидентификации этого класса.

«В манере речи и стиле поведения мы находим несомненный знак хорошего вкуса и хорошего воспитания» (Alford, цит по: Crowley 1995: 171).

«... слово или жест могут выдать скрываемую принадлежность к низшему классу» (Young, цит по: Crowley 1995: 172).

“Self-made men, ‘the vulgar rich’ часто выдавали себя невольным словом или жестом. Фатальный аспират был достаточен для разрушения тщательно сконструированной идентичности, из-за него все социальные надежды могли моментально разрушиться.

Разделение между рождёнными с высокой социальной позицией и достигшими её благодаря финансовому успеху было чётким. Оно было языковым. Языковая война за социальную идентичность и статус среди буржуазии была в разгаре.

Однако, несмотря на все внутренние разделения, буржуазия была едина в своем страхе и враждебности к рабочему классу. Карнавальное присутствие новой городской расы было угрозой для будущего буржуазии. «Варвары у наших ворот» (Masterman, цит по: Crowley 1995: 174). Варвары – это те, кто не использует предписанный кодифицированный закон власти. Они завоевывали социальную сферу и нарушали правила. «... там, где они раньше говорили шепотом, они кричат, там, где они извинялись, они толкают и обвиняют» (Masterman, цит по: Crowley 1995: 172). Это была новая сила – незнакомая и весьма опасная.

«Я ненавижу простых, необразованных людей. Все эти взрослые, которые не умеют правильно говорить и не знают как себя вести, я бы отправил их на Фолькланды. Детей надо послать в школу и исправить, если возможно, а если нет, то и от них надо избавиться», – говорит буржуа-герой романа Гиссинга. Другой персонаж-владелец фабрики добавляет: «Они враги любого, кто говорит на чистом английском, и кто не зарабатывает себе на жизнь своими руками» (Там же: 175).

«Они не могут произнести законченного понятного предложения; не могут пользоваться языком, который был бы понятен слушателям не из их круга» (Masterman, там же: 175), то есть, они

говорят, но их речь не является социально приемлемой или понятной. Монологизм, воплощенный в социальном порядке, где «правильным английским» считается только язык образованных, как бы заставляет их молчать, лишает их голоса.

«Больше всего детям из рабочего класса не хватает языка. Они могут шуметь, но не могут говорить. В их шуме вы вряд ли сможете распознать свой родной язык» (Samson 1925: 21). Конечно, под языком здесь понимается его определённая форма.

Как отмечается в NEWBOLT REPORT: «Главная задача начальной школы – дать детям язык – чтобы они могли цивилизованно выражать свои мысли и понимать других. Пока этого не произойдёт, они будут полностью отрезаны от жизни, и мыслей, и опыта нации, воплощённых в словах нации» (Newbolt 1921: 60). Если под «цивилизованной речью» вслед за Уайлдом понимать речь офицеров британской Армии, то не только дети, но подавляющее большинство населения будет отрезано от нации и её достижений.

Речь рабочего класса отвергалась в отчете категорически. Конечно, это не могло не отразиться на положении этого класса. Еще в большей степени это относилось к женщинам. Хиггинс в «ПИГМАЛИОНЕ» Шоу говорит: «Покажи мне хотя бы одну англичанку, которая говорила бы по-английски так как нужно? Только иностранки могут говорить на нём правильно» (Shaw 1941: 97). Само право женщин на существование подвергается сомнению: «Женщина, которая произносит такие ужасные звуки не имеет право быть где бы то ни было – не имеет права жить» (Там же: 26). Пьеса Шоу весьма точно и ярко отражает социальное отношение к определенным формам языка, а прототипом Хиггинса явился известный лингвист Суит. Диалектолог Рейнольдс пишет о женщинах, вернувшихся домой после работы в качестве служанок в богатых домах: «Пытаясь безуспешно имитировать один язык, они теряют другой. Их речь – смешение диалектного и стандартного английского с неправильной интонацией – выдаёт их. Они как человек, живущий за границей, который утерял обычаи своей страны и плохо усвоил обычаи той страны, где он живет» (Reynolds 1909: 217).

В отношении к языку рабочего класса используется (по терминологии Бурдье) «символическое насилие» – моногlossия подчиняет себе гетерогlossию, центростремительные силы – силы цен-

тробежные. Однако, как и писал Бахтин, монологизм «диалогизируется», ему противостоят, ему не подчиняются.

«Для большинства людей нежелательно и неприятно слушать речь с незнакомым акцентом. Результатом этого бывает – удивление, рассеяние внимания, отвлечение от темы разговора, смех или неприязнь» (Wyld 1934: 606).

Барнс, диалектолог из Дорсета, писал: «*Fine talking* (standard English) из уст крестьянина воспринимается со смехом всеми его односельчанами». Он же рассказывает: «Одна леди начала “исправлять” английский своего мальчика-слуги, но вскоре он сказал ей с плачем: “Если Вы будете меня и дальше учить так говорить, надо мной будут смеяться ещё больше в моей семье, и я не смогу приходить домой”» (цит по: Crowley 1995: 180).

Таким образом, *standard English* не всегда пассивно принимался как высшая форма языка теми, кто не говорил на нём. Ситуация часто была очень сложной. На уровне речи не было моногоссии, была чётко организованная полигlossия. Монологизм получал отпор в разных формах – от прямого отказа до карнавальных действий нового городского класса. Характеризуя языковую ситуацию в Британии этого времени Б. Шоу писал: «Как только один англичанин открывает рот, другой начинает его ненавидеть» (цит по: Crowley 1995: 180).

Лингвистический антагонизм на классовой почве был двусторонним. Социальная стратификация чётко отражалась в языке. Центроостремительные силы пытались удержать контроль и в социальной, и в языковой сфере. Важной силой в политических и лингвистических дебатах рассматриваемого периода был культурный национализм. Концепт «национальной идентичности» приобретает ключевое значение в периоды внешних или внутренних опасностей для судьбы нации, единства её.

В данный период эти опасности были и внутренними (чартизм, борьба за общее избирательное право, национально-религиозная борьба в Ирландии), и внешними (Крымская война, индийское восстание, Первая мировая война). Именно в эти периоды английский язык приобретал важнейшее значение в культурно-национальных дебатах.

«Сейчас наука о языке призвана решить самые сложные социально-политические вопросы» (Muller, цит по: Crowley 1995: 182). В ответ на угрозу социального и национального раскола центро-

стремительные силы используют потенциал национального языка. Культурный национализм, вслед за Гумбольдтом, рассматривал язык как отражение национального характера. «Отношения между народом и его языком так тесны, что о народе можно судить по языку и наоборот, язык есть вечный памятник природы и характера народа» (Graham, цит по: Crowley 1995: 182). «Язык есть воплощение чувств и мыслей, и опыта нации. Изучая историю языка, вы изучаете историю нации... Язык, как и нация, обладает несравненной щедростью и свободой. Английский язык, как и английский народ – всегда готов предложить гостеприимство всем мирным иностранцам – словам или людям» (Archbishop Trench, цит по: Crowley 1995 :183).

«Для всех случаев общения между людьми, и с Тем, кто находится над людьми, мы полагаем, нет и никогда не было языка, который мог бы сравниться с английским, ибо он обладает несравненной силой, красотой и гибкостью» (Higginson, там же).

«Язык как английская конституция или английская церковь – полон алогизмов и аномалий, но процветает в опровержение теории. Он как английский народ – самый организованный, но в самой своей организованности и законопослушности – свободен» (Swayne, там же: 184).

Изучение языка, таким образом, ведет к воспитанию патриотизма. В противовес тем, кто разрывал нацию во имя классовых или каких-либо других частных интересов, язык предлагал национальное единство.

«Очевидно, что единство языка необходимо для единства народа» (Marsh, там же).

«Любовь к нашему языку, что это – как не любовь к нашей стране?» (Archbishop Trench, там же).

В первой четверти XX в. национальный монолизм рушился под натиском центробежных сил – война, суффражистское движение, ирландские националисты, рабочее движение. В ответ на разделения монолизм предлагал единство. Конфликту противопоставлялась традиция, отдельным народностям, классам, полам – единая нация и её культурное наследие.

«Одним из последствий войны стал интерес широкой публики к историческому изучению английской литературы и языка. Это свидетельствует о возрождении национального духа в период кризиса» (McKerrow 1921, там же: 185). Нация, разрываемая проти-

воположными силами, может быть спасена возвращением к литературной традиции и к развитию языка, то есть, к достижению его единства в его стандартной форме как основанию традиции. Язык, понимаемый в неокантианском духе, был определяющим фактором национальности. «Вы не сможете понять сердце и мозг нации, не изучив её язык» (Barker, там же: 186).

«Изучение языка будет важным шагом к национальному единству, через соединение внутренних сил всех классов» (Newbolt 1921: 15).

«Общая образовательная база (английский язык) может значительно ослабить классовый антагонизм» (Sampson 1925: 39). «Если язык станет центром образовательной программы, англичане научатся относиться к нему сначала с уважением, а затем и с искренним чувством гордости и любви... Такое чувство будет связывающим единством для всех классов» (Newbolt 1921: 22). Язык – хранилище национальной традиции, и средство её поддержания. Отказ от предлагаемой языковой программы чреват серьезной опасностью – «Если мы откажем детям из рабочего класса в их доле нематериального богатства, они скоро вырастут и станут взрослыми, которые потребуют от нас материального коммунизма» (Sampson 1925: 10). Выбор был очевидным – или центростремительные силы, или силы разделения, раскола и конфликта; или властная моногlossия, или разделяющая гетерогlossия. Язык выступал как главный инструмент в этой борьбе.

Итак, язык в любой исторический момент является полем битвы различных социальных сил. Он играет важнейшую роль в формировании понятий «нация» и «национальная идентичность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Наука, 1965. – 527 с.
2. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Наука, 1986. – 541 с.
3. Bakhtin, M. The Dialogic Imagination. – Austin: University of Texas Press, 1981. – 444 p.
4. Burke, J. An Illustrated History of England. – London: Book Club Associates, 1974. – 349 p.

5. Crowley, T. *Language in History*. – London: Routledge, 1995. – 215 p.
6. Ellis, A. *On Early English Pronunciation*. – London: Macmillan, 1889.
7. Elworthy, F. T. *The Dialect of West Somerset*. – London: Macmillan, 1876. – 231 p.
8. Newbolt, Sir H. *The Teaching of English in England*. – London: HMSO, 1921. – 393 p.
9. Reynolds, S. *A Poor Man's House*. – London: Bodley Head, 1909. – 212 p.
10. Reynolds, S. *Seems So!* / S. Reynolds, T. L. Woolley. – London: Macmillan, 1911. – 364 p.
11. Sampson, G. *English for the English*. – London: Macmillan, 1925.
12. Saussure, F. de. *Course in General Linguistics*. – London: Duckworth, 1983. – 236 p.
13. Shaw, G. B. *Pygmalion*. – Harmondsworth: Penguin, 1941.
14. Sweet, H. *A Handbook of Phonetics*. – Oxford: OUP, 1877. – 215 p.
15. Wyld, H. *The Best English: a claim for the superiority of Received Standard English // Society for Pure English*. – Tract 39. – Oxford: Clarendon Press, 1934. – Pp.603-621

Ярослав Николаевич Еремеев
Воронежский государственный университет
пл.Ленина 10-43, Воронеж, 394006
Российская Федерация
yaroslav.yeremeyev@gmail.com

Yaroslav N. Eremeev
Voronezh State University
pl.Lenina 10-43, Voronezh, 394006
Russian Federation
phone: +7 (473) 220 84 89